

Татьяна Кузовкина

“Судьбы скрещенье”: О юношеских дневниках

Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц

“An Intersection of Fate”: Iurii Lotman and Zara Mints’ Youth Diaries.

The article offers a comparative analysis of the diaries of Iurii Lotman and Zara Mints. The biographies of those two prominent scholars have many similarities. The wartime experience influenced the formation of the personality of both. From the diaries we learn about the intellectual quests of Lotman and Mints and how they strove to educate themselves. The article reveals the similarity of their characters, attitudes and goals. This article is based on unpublished archival materials.

В списке переиздаваемых в настоящее время работ Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993) значительное место занимают его эгодокументы: переиздана с исправлениями и дополнениями переписка с Борисом Андреевичем Успенским (см. Лотман, Успенский 2016), вышло полное издание переписки Ю.М. Лотмана и Зары Григорьевны Минц (1927–1990) с Борисом Федоровичем Егоровым (см. Лотман, Минц, Егоров 2018), перевод *Не-мемуаров* на английский язык (см. Lotman 2014). Однако до сих пор внимание исследователей не привлекали его дневниковые записи военного времени, имеющие

большое значение для реконструкции творческой эволюции ученого. Дневниковые записи З.Г. Минц были опубликованы лишь в 2017 году среди прочих архивных материалов, составивших часть сборника, посвященного ее 90-летию (см. Минц 2017).

Юрий Лотман и Зара Минц познакомились, будучи студентами Ленинградского университета. Ю.М., вернувшись из армии в декабре 1946 года, восстановился на втором курсе филологического факультета. З.Г. приняли в университет в 1944 году, благодаря чему она смогла вернуться в Ленинград из эвакуации. В воспоминаниях старшей сестры Ю.М.

Лидии Михайловны Лотман, которая к тому времени была уже научным сотрудником Пушкинского дома, зафиксировано мгновенное-признание Зары как своей, принадлежащей к одному с семейством Лотманов кругу. Встреча Лидии Лотман с З.Г. произошла в редакции «Вестника университета», где та публиковала свою статью об Эдуарде Багрицком:

В дверь вошла очень худенькая, невысокая девушка, в скромном коричневом костюме, чуть-чуть прихрамывая. Когда она посмотрела на меня своими огромными сероголубыми глазами, в которых была не только скромность, но и очень большая решительность, я поняла, что эта девушка может на многое претендовать и многого достичь. [...] У Зары было некоторое сходство с нашей мамой в молодости: отвага, задор и длинные косы. Через несколько лет Юра женился на Заре, и, хотя они не жили с нами, а уехали в Тарту, она стала для нас как будто еще одной сестрой (Лотман 2007: 68–69).

Основные вехи биографий Ю.М. и З.Г. имеют много сходного. Оба родились в Ленинграде в интеллигентных еврейских семьях, погруженных в русскую культуру, оба перенесли тяготы войны, у обоих отцы умерли в блокадном Ленинграде, оба уже на студенческой скамье продемонстрировали выдающиеся научные способности и не были оставлены в аспирантуре из-за начавшейся в конце 1940-х годов антисемитской кампании. З.Г., окончив с отличием университет в 1949 году, была распределена в школу рабочей молодежи Кировской железной дороги на станцию Волховстрой I Ленинградской области. Лотман, блестяще окончив университет через год после З.Г., также не был оставлен в аспирантуре, не смог найти работу в Ленинграде и волею случая попал в Эстонию, где его приняли на должность преподавателя русского языка и литературы в Тартуский учительский институт. Одновременно он на почасовых основаниях начал читать лекции в Тартуском университете, где через три года получил штатное место. В январе 1951 года Юрий Михайлович и Зара Григорьевна поженились. С сентября 1951 года

она начала преподавать в Тартуском учительском институте, а в 1956 году была зачислена в штат кафедры русской литературы Тартуского университета, на которой и проработала до конца жизни, получив в 1979 году звание профессора.

З.Г. участвовала во всех начинаниях, принесших Ю.М. мировую славу – она была одним из организаторов и неизменным участником Летних школ по вторичным моделирующим системам, Блоковских и Пушкинских конференций, редактировала издания кафедры по семиотике и литературоведению. Архивные материалы и, в особенности, семейная переписка свидетельствуют о том, что на долю З.Г. выпала трудоемкая и, по сути, подвижническая работа по сохранению творческого наследия Лотмана: она конспектировала его лекции и спецкурсы, была редактором и корректором большей части его трудов, с мая 1989 года записывала их под диктовку (из-за перенесенного инсульта Ю.М. частично утратил способность чтения и письма)¹. З.Г. сохраняла рукописи и машинописи трудов Ю.М., присылаемые им

обоим письма, часть из которых каталогизировала. Юрий Михайлович пережил Зару Григорьевну на три года. Свои последние работы, в частности, монографию *Культура и взрыв* он посвятил ее памяти.

Сохранившиеся дневниковые записи Ю.М. и З.Г. относятся ко времени их юности, эпохе формирования характера и профессиональных интересов, они раскрывают внутренний мир двух будущих филологов, демонстрируя глубинное сходство характеров и особого “культуроцентричного” взгляда на мир, основанного на интенсивных интеллектуальных поисках, заставляющего продолжать самообразование в любых условиях, с иронией относится к бытовым трудностям, подвергать свое поведение тщательному самоанализу, в том числе и на страницах дневника.

Дневник, который Лотман начал вести на фронте, представляет собой несколько самодельных тетрадок, где помимо собственно дневниковых записей, есть конспекты прочитанных книг и статей, переводы из Генриха Гейне, записи фольклорных текстов, списки французских слов для заучивания. Войну Лотман прошел связистом в артилле-

¹ См. подробнее об архивах Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц; Кузовкина 2018.

рии², был награжден четырьмя медалями и двумя орденами³. Дневниковые записи яв-

² В ноябре 1941 года полк, в котором служил Лотман, принял участие в Ростовской наступательной операции. Затем – тяжелые бои зимы и весны 1942 года, закончившиеся отступлением к Дону и переправой. Полк тогда понес огромные потери, но сохранился как отдельное формирование. В 1943 году – Кавказское направление, около года оборона на Тереке, затем наступательные бои на Кавказе и в Крыму. Следующее место сражений – западная Белоруссия, Пинск. Из Белоруссии полк направили в сторону Финляндии, но после ее капитуляции (19 сентября 1944 года) перевели в Прибалтику, где Лотман участвовал в тяжелых боях под Валгой и Ригой. С января 1945 года полк находился уже на территории Польши, участвовал в боях за Варшаву. В конце января 1945 года – бои в немецкой Померании. Победу Лотман встретил на Эльбе. О передвижении своего полка он рассказывал отрывочно в *Не-мемуарах* (см. Лотман 1995) и более подробно в интервью, данном журналисту газеты Тартуского университета (см. Тiкс 1975).

³ Медали: “За боевые заслуги”, “За отвагу”, “За оборону Москвы”, “За оборону Кавказа”; ордена: “Отечественной войны” 2-й степени и “Красной Звезды”. См., например, приказ о награждении медалью “За боевые заслуги” в марте 1943: “[...] под сильным артиллерийским огнем противника держал непрерывную связь наблюдательного пункта с огневыми позициями. В этом бою тов. Лотман, рискуя жизнью, лично три раза восстанавливал перебитую линию связи. Будучи оглушен разрывом снаряда, продолжал оставаться на линии, бла-

жутся ярким свидетельством его силы воли и целеустремленности: будучи оторванным от учебы в университете – он был призван в армию в октябре 1940 года, после первого курса, проучившись чуть больше месяца на втором, – активно продолжал свое самообразование. Эти записи дополняют и комментируют его письма 1940–1946 годов, которые сейчас готовятся к публикации⁴. Возникновение днев-

годаря чему на протяжении всего боя было обеспечено бесперебойное управление огнем батареи. Во время исправления линии в этом же бою задержал крупного немецкого шпиона” (<<http://www.podvignaroda.ru>>, последнее посещение: 16 августа 2019).

⁴ В издательстве Таллиннского университета готовятся к печати собранные из разных архивов 357 писем семьи Лотманов этого периода. Речь идет о фронтовых письмах Юрия Михайловича и письмах к нему от трех старших сестер и матери. Участники переписки до войны жили в Ленинграде. К 1941 году старшая сестра Инна (в замужестве Образцова, 1915–1999), окончив композиторское отделение Ленинградской консерватории в классе Б.В. Асафьева, занималась с детьми во Дворце пионеров. Лидия (1917–2011), окончив русское отделение филфака Ленинградского университета, училась в аспирантуре Пушкинского дома. Виктория (1919–2004) была студенткой Первого Ленинградского медицинского института. После начала войны семья оставалась в Ленингра-

ника связано с внутренней потребностью Лотмана подводить в конце каждого года итоги своей жизни. Обычно он “исповедовался” в письмах сестре Лидии, предваряя анализ своего поведения некоторыми историческими обобщениями. 31 декабря 1942 года, радуясь начавшемуся наступлению:

де. Лидия в связи с роспуском аспирантуры сначала работала в госпитале, а затем – в детском доме, вместе с которым в июне 1942 года эвакуировалась в село Кошки Куйбышевской области. В июне 1943 года, получив вызов от Ленинградского отделения Академии Наук, она восстановилась в аспирантуре в Казани и вернулась в Ленинград вместе с ИРЛИ в июле 1944 года. Виктория Михайловна, окончившая к началу войны четыре курса медицинского института, была выпущена с дипломом “зауряд-врача” и работала врачом-терапевтом. В июле 1943-го она была мобилизована в армию и до конца 1945 года служила главным врачом на курсах курсантов в Ленинградской области. Мать, Александра Самойловна (1888–1963), и Инна пережили в родном городе всю блокаду; отец, Михаил Львович (1882–1942) умер от воспаления легких. В книгу войдут не только письма от Юрия Михайловича и к нему, но и переписка сестер между собой и одно письмо матери к Лидии Михайловне. Составители и авторы комментария к книге – Н.Ю. Образцова (дочь Инны Михайловны), Л.Э. Найдич (дочь Лидии Михайловны), Г.Г. Суперфин, Д.Э. Кузовкин и Т.Д. Кузовкина.

Для человека, пережившего два больших отступления, прошедшего пешком от Днестра до Кавказа, наступление необходимо как воздух. Не знаю, ошибаюсь я или нет, но мне кажется, что песенка немцев спета и, хотя военное счастье еще может колебаться много раз, это уже агония – “он бездну видит пред собою и гибнет, гибнет наконец”⁵, –

он упрекал себя в практической никчемности, черствости и многом другом, причем на первое место среди своих недостатков ставил то, что растерял знания, полученные до войны. Через год – в письме к Лидии от 30 декабря 1943 года, Лотман вновь разбирается с

⁵ Цитируемое письмо в числе 26 писем Ю.М. публиковалось неоднократно; см., например, Лотман 1996 и Лотман 1997. В настоящей статье оно цитируется по ксерокопии (оригинал не обнаружен). Далее фрагменты писем Лотмана приводятся по оригиналам или их ксерокопиям, большей частью хранящимся у Н.Ю. Образцовой. Описки и явные ошибки (в том числе и пунктуационные) исправлены без оговорок. Общепринятые сокращения не раскрываются. Сведения о нахождении писем, хранящихся в других собраниях, даются в сносках.

тем, что находится у него “под черепом”:

Единственное, что у меня не вызывает никаких сомнений это правильность моего выбора специальности. Я не знаю, как сложатся обстоятельства в дальнейшем и смогу ли я продолжать свое образов[вание], но если такая возможность представится, то единственной ин-тер[есующей] меня областью будет истор[ия] литературы (меж[ду] пр[очим] – древне-русск[ая] лит[ература] – это, по-моему, ужасно интересно). Но, конечно, обстоятельства – это очень неприятная вещь, именно своей неизбежностью.

За день до написания этого письма и был начат дневник “с целью уяснения себе своих собственных мыслей и самовоспитания”, где сразу была помещена таблица, в которой Ю.М. намеревался каждый день отмечать достижения по борьбе с собственными недостатками:

30. XII. 43. [...] Я не самостоятелен, ни в мыслях,

ни в жизни. Не воздержан. Сделаю попытку по способу Франклина.

	31/XII	1/I	2/I	3/I	4/I	5/I
1. Ложь и хвастовство.						
2. Неводержанность						
3. Болтливость						
4. Лень						
5. Невыдержанность (сюда и ругань)						
6. Непоследовательность						

Обязательно выучивать в день не менее 10 фр[анцузских] слов (при любой обстановке) Невыполн[ение] отмечать в графе “лень”⁶.

⁶ Здесь и далее дневниковые записи цитируются по оригиналу, хранящемуся в Отделе редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского универ-

В записи следующего дня – апология труда: “зп. XII. 43 г. [...] Говорил с Я.⁷ о труде. Труд – основной смысл жизни: только он является ее содержанием и вместе с тем дает право на комфорт (отдых)”. Графы в таблице “по борьбе с недостатками” не заполнены. 18 января 1944 года сделана запись: “Затея Франклина – глупость”, а 2 февраля: “Хотел все это уничтожить, но пока оставил” (2–20б). Однако сохранилось большое количество листков с выписанными французскими словами (они сгруппированы по десять) и их переводами. Как свидетельствуют письма Лотмана, за время службы в армии и войны он прочел на французском языке *Эрнани* и *Король забавляется* Виктора Гюго, приключенческий роман Андре Арманди (*Le Repégat*), *Виконт де Бражелон* и *Три мушкетера* Александра Дюма, *Федру* Расина, *Рим*, *Неаполь* и *Флоренцию* Стендаля, роман Пьера Лоти (не назван), *Жанну*

ситета (ф. 136, ед. хр. 7). Номер листа указывается в скобках. Описки и явные ошибки (в том числе и пунктуационные) исправлены без оговорок. Общепринятые сокращения не раскрываются.

⁷ Инициал раскрыть не удалось.

Жорж Санд. В письмах к сестрам встречаются вопросы о методике изучения французского, неоднократные просьбы о присылке словарей. В конце войны Ю.М. овладел французским настолько, что смог объясниться с идущими из плена французами.

В диалогах автора дневника с самим собой соседствуют трагизм и ирония; ср. записи во время наступления 1944 года, когда потери были особенно большими⁸:

16. VI. [1944] Между Пинском и Яновым

Мысль под вечер: Судьба поступает с петухом милосерднее, чем с человеком – его сначала зарежут, а потом ощипывают. С человека же сначала заживо выщиплют все иллюзии, а потом убивают! Случайности нет.

3/XI. 44 г Мне так тяжело на сердце, словно меня сегодня убьют.

29/XI. – Осел.

Описывая круг своих интересов в письмах этого времени, Лотман подчеркивал:

⁸ См. об этом подробнее в *Немемуарах*; Лотман 1995: 28.

Я все время думаю о законах историч[еского] процесса и все время обнаруж[иваю] свое полное невежество в вопросах истории. [...] В мои руки попадали книги и по физике, и по др. наукам, но только вопросы, затр[агивающие] историю или истор[ию] культ[уры] с какой-либо стороны, читаются мной с увлечением и безо всякой натяжки (письмо к Лидии от 15 января 1944 года).

Сохранившиеся в дневнике конспекты свидетельствуют о том, что в поле зрения Лотмана были петровская и послепетровская эпохи, время наполеоновских войн, но особый интерес вызывало правление Ивана Грозного. Он прочел *Переписку князя А.М. Курбского с царем Иоанном Грозным* (по изданию: Грозный 1914), несколько томов *Истории* В.О. Ключевского, присланное сестрой Инной одно из изданий книги К. Валишевского *Иван Грозный*, просил прислать новую книгу о Грозном И.И. Смирнова (см.: Смирнов 1944). В 1946 году в журнале «Вопросы истории» разгорелась полемика вокруг кон-

цепции П.П. Смирнова, считавшего, что на государственную политику объединения Руси повлиял прогресс земледелия (см. Смирнов 1946). Лотман не только был в курсе этой полемики, о чем сообщал в письме к родным:

В последнем номере «Вопросов истории» сразу три маститых историка забросали камнями и грязью П. Смирнова – автора новой концепции объединен[ия] Руси [...], называя его чуть ли не фальсификатором и т.д. и т.п. А я-то ему верил как богу! Правда, я все еще верен поверженному кумиру.

Одно только удивительно: столь серьезные ученые разговаривают по такому вопросу статьями, а не монографиями (письмо от 18 июля 1946 года), –

но и законспектировал опубликованные в ней статьи (имеются в виду: Веселовский 1946; Греков 1945; Мавродин 1946; Полосин 1945; Смирнов 1946а; Юшков 1946). 29 июня 1946 года он писал родным: «С Грозным я наконец разделался. Когда я свел вместе конспекты того, что вы мне при-

слали и кое-каких статей, печатаемых в «Вопросах истории», то вышла целая тетрадь».

Ю.М. стремился также наверстать упущенное в изучении философии. Среди дневниковых записей сохранились подробные конспекты первого тома учебника (см. Александров 1941) и несколько рассуждений о процессе возникновения диалектического мышления. В конце 1943 года среди подобранных книг из частной библиотеки, брошенной под Харьковом, Ю.М. нашел русское издание *Заката Европы* (см. Шпенглер 1923). Поначалу в духе времени и, возможно, под влиянием идеологически выверенного предисловия А.М. Деборина, он назвал книгу “метафизикой”, “мистицизмом” и “ерундой”, упрекал Освальда Шпенглера в “ужасной прусской тупости” и “недопустимо вольном обращении с фактами”. Однако размышления философа о взаимообусловленности разных явлений науки, культуры, быта и общественного сознания, принадлежащих к одному периоду “развития мировой души”, оказались для Ю.М. очень продуктивными:

[...] произведения искусства (часто бессознательно) отражают степень мышления человека. В этом смысле можно сказать, что Родэн и Рембрант – диалектичны, а Пракситель и др. греки находятся на метафизичес[еской] стадии (из письма Инне Лотман от 9 января 1944 года).

После прочтения Шпенглера в письмах появляется тема изучения XIX века как времени пробуждения диалектического мышления,

[...] кот[орое] бессознательно (зачастую) – вернее неосознанно – проявл[яется] во всех сферах жизни и в первую очередь в искусстве.

Именно тем и отлич[ается], напр[имер], «Онегин» от предыдущей лит[ературы], что автор понимает жизнь как развитие. Не говоря уже о Баратынском, Лермонтове и Тютчеве, характерно, что с этой поры развивается музыка в России – это самое диалектич[еское] из всех искусств (из письма

сестре Лидии от 23 января 1944 года).

Эта же тема звучит и в дневнике, причем в записях (от 18 января 1944 года и 9 августа 1946 года), временной промежуток между которыми – более двух лет:

Начало XIX в. – одна из самых интересных эпох русск[ой] жизни, т. к. в эту пору начинается пробуждение диалектич[еского] сознания. Было бы очень интересно проследить это в искусстве.

Это и есть основн[ое] разл[ичие] между искусств[ом] XVIII и XIX вв. и между „классицизмом” и “романтизмом”. Под этим углом рассм[отреть] Баратынского (2 об).

и

Мотив невозможности выразить мысль словами (“Silentium”) – признак пробужден[ия] диалектич[еского] сознания. Антиномия мысли и слова, непрерывного и прерывного (ср. антиномии Зенона Элейского – античность под этим уг-

лом ↔ античность под углом рационализма – классицизма). Для метафизики XVIII в. (класс[ицизм]) невыразимого не могло быть; мысль = слову. Метафизика XVIII в. – рациональна, след[овательно] диалектич[еское] сознание должно было прийти под флагом иррациональности. Идеализм нач[ала] XIX в. – явление прогрессивное в филос[офском] отнош[ении], хотя и явл[яется] последств[ием] (с одной стороны) полит[ической] реакции. Невыразимость в словах под влиянием полемики с рационалистами стала невыразимостью средствами разума чувств и природы (9).

Дневник дает также представление о малоизвестной стороне творчества Лотмана – переводчика и поэта. В семье Лотманов дети рисовали, писали шуточные стихи, выпускали домашние рукописные журналы и стенгазеты. Умение рисовать и откликаться на различные события молниеносным экспромтом Лотман

сохранил на всю жизнь⁹. На войне, как рассказывал автору статьи однополчанин Лотмана Павел Дмитриевич Наживов, Ю.М. был фронтовым поэтом, одним из авторов гимна бригады. В дневнике сохранились упражнения Лотмана в разных поэтических стилях. См., например, два варианта подражания Маяковскому:

29/XI 44 г
А там, с последней
отвывшей миною
С умолкнувшим грохотом
батарей
К ногам прокаженного
нищего кину я
Звезды и песни души
моей
Маяковско-образное (7).

17. IX. 45.[...]
Шагая по грязи, ползя на
пузе ли
Под свист и грохот дней
иных
Мы сами себе создавали
иллюзии
И даже почти что верили
в них

Я думал: с последней
отвывшей миною

С умолкнувшим грохотом
батарей
К ногам прокаженного
нищего кину я
Песни и звезды души
своей

И вот свершилось (8 об).

Или еще экспромт в другом
стиле:

Есенинообразное:
Мне руки скрутили тоскою
На шею молчанье повесили
Дубовой забили доскою
Звонкое горло песни (8).

Наиболее полно в дневнике представлено творчество Лотмана-переводчика поэзии Генриха Гейне. Обращение к текстам Гейне – попытка восстановить утраченный мир семьи. Лотман переводит чаще всего по памяти. Комментируя то, что Ю.М. перевел стихотворение *Двойник*, Лидия Лотман отметила, что в доме часто звучал романс Шуберта на эти стихи (см.: Лотман 1996: 190). В таллиннской части архива хранятся три томика из немецкого четырехтомного собрания сочинений Гейне с многочисленными пометами рукой Лидии Лотман и владельческим знаком “Лотманъ”.

⁹ См. издания автопортретов и рисунков Лотмана: Кузовкина, Даниэль 2014; Кузовкина 2017.

Сообщая родным уже из Германии о найденном томике из этого собрания, Лотман писал:

Так что встреча была все равно, что со старым другом. Для меня за каждым стихотворением тянется целая борода воспоминаний (из письма к сестре Виктории от 31 марта 1945 года).

Иногда тексты Гейне являются ключом для расшифровки некоторых дневниковых записей. Так в период тяжелой депрессии, наступившей после окончания войны, когда срок демобилизации был неясен (она произошла только 20 октября 1946 года) в дневнике появляется запись:

29. VI. 45 г. близ Потсдама
Вчера в первый раз пришла в голову мысль о [зачеркнуто: само] сумасшествии. Очень испугался, но, кажется, что дело идет к тому.

Почти через год эта же тема звучит в короткой записи, где процитированы первые строки стихотворения *Die Heimkehr* (Возвращение домой), тоскующий лирический герой которого в финальном

четверостишии просит застрелить его:

1. V. 46. [...] Старик плакал.
“Mein Herz, mein Herz ist traurig
Doch lustig leuchtet der Mai”¹⁰ (8 об.)

Характерно, что одна из последних страничек дневника, заполненная в день отъезда из армии, представляет собой маленький рисунок (из открытых ворот выезжает грузовик, в кузове которого носатый человечек в каске прощально машет рукой), под которым приведена строчка из поэмы *Германия: Зимняя сказка*: “Im traurigen Monat November war’s”¹¹.

Портрет двадцатилетнего Лотмана, предстающего со страниц дневника, – самокритичного интеллектуала, ищущего свое место в трагических обстоятельствах военного времени и не поддающегося им, – имеет много сходных черт с портретом юной Зары Григорьевны Минц.

Ее дневник представляет собой несколько плотно исписанных длинных листов обой-

¹⁰ Мое сердце, мое сердце в трауре, хотя весело блещет май (с нем.).

¹¹ Это было в грустном месяце ноябре (с нем.).

ной бумаги и несколько тетрадок. Все найденные фрагменты дневника опубликованы (см. Минц 2017). Сохранились записи двух периодов: с 10 мая по 14 августа 1941 года (Заре 13–14 лет) и с 18 июля по 12 ноября 1944 года (Заре 16–17 лет).

Лотман начинает вести дневник “в целях самовоспитания”. Первая фраза дневника Зары: “все девчонки пишут, а я рыжая, что ли?” (Минц 2017: 19), но из дальнейших записей выясняется, что ее дневник преследует те же цели, что и у Лотмана – взросление требует осмысления своего поведения и взаимоотношений с окружающими. Характерна приведенная на первой же странице фраза бывшей одноклассницы: “Ох, Зарка, и изменилась ты! [...] Взрослую корчить стала!” (Минц 2017: 19). О самом главном событии – смерти мамы, Фриды Абрамовны Сандерихиной (1889–1939), как и позже о смерти отца в блокадном Ленинграде, в дневнике нет ни слова, – внутренняя цензура не позволяет З.Г. (как и Лотману) сделать предметом описания свои глубинные переживания. В записях 1941 года подробно описан конфликт “чувства и долга”, сердечной привязанности к грозе двора, футболисту и двоичнику Валь-

ке Фридману, времяпровождение с которым приводит к тому, что у отличницы Зары возникает угроза четверки за четверть по математике. Характерно, что учитель математики позволяет себе вмешиваться в личную жизнь учеников:

– [...] Вы бы меньше на последнюю парту поглядывали, да побольше задач решали!

– И поставил “хорошо”. Да еще так ехидно улыбнулся и на последнюю парту поглядел. Там Валька Фридман сидел. Все как захохочут! Я села на место и заревела (Минц 2017: 19).

В дневнике есть и другие примеры советской школьной этики, например, приход в дом классной руководительницы и ее педагогическая беседа с отцом.

З.Г. не только подмечает характерные детали в поведении окружающих, но и тщательно фиксирует услышанные диалоги, внимательно относясь к особенностям речи персонажей своего повествования и создавая тем самым их яркие портреты. Стиль записей этого времени – смесь лихачества и самоиронии. После неча-

стных эмоциональных срывов и ссор с отцом девочка испытывает чувство вины и острой жалости к отцу, самокритично и подробно исповедуя дневнику случившееся.

Записи 1941 года также дают представление о жизни интеллигентной еврейской семьи в предвоенном Ленинграде. Родители З.Г. были врачами: Фрида Абрамовна – зубным, Гирш Ефремович (1880–1942) – санитарным. Отец окончил психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, работал заведующим Государственной санитарной инспекцией Володарского района Ленинграда, был автором нескольких научно-популярных брошюр¹².

¹² В таллиннской части Лотмановского архива хранится книга: Г. Минц, *Животные и растения: С 8 рисунками*, Государственное издательство, Москва; Ленинград, 1926. Известны также следующие его сочинения: Г. Минц, *Работа живой фабрики*, Издательство Ленинградского губпрофсовета, Ленинград, 1926 (= Библиотека рабочего самообразования. Под редакцией Секции самообразования Ленинградского губполитпросвета); Г. Минц, *Пища – топливо живой машины*, Издательство Ленинградского губпрофсовета, Ленинград, 1926 (= Библиотека рабочего самообразования. Под редакцией Секции самообразования Ленинградского губполитпросвета); Г. Минц, *...Ум животных: С 6 рисунками*, Государственное издательство, Москва; Ленинград,

Несомненным свидетельством его педагогического таланта служит эпизод с тем же Валькой. Увлечение им Зары быстро начинает проходить после того, как она по совету папы спрашивает его о прочитанных книгах:

– Валь! Ты читал Шекспира? Он покраснел, как рак.

– Читал... *Гамлет*... И еще *Отелло*.

Тут я по своей дурацкой привычке ехидно задаю говорю:

– А «*Братья-разбойники*» Ков. и любовь читал[?]

– Читал, – говорит, – мировая книга! [–] Тут я как захохочу. И убежала домой. Никогда не думала, что он такой дурак! (Минц 2017: 23–24).

Дневник позволяет узнать о довольно широком и нестандартном круге чтения Зары Минц. Помимо школьной

1927 [1926]; Г. Минц, *Зеленые фабрики (Растения и их функции): С 6 рисунками*, Государственное издательство, Ленинград, 1927 [1926]. Сохранился договор и рукопись первой главы книги *Почему люди умирают* (Отдел редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета, ф. 137, ед. хр. 27).

программы и любимого Маяковского она, например, читает произведения Н.С. Лескова, *Иудейскую войну* Леона Фейхтвангера.

Заканчиваются записи этого периода началом войны. З.Г. в это время была в санатории под Ленинградом. Сообщение о начале войны она – идейная советская школьница – восприняла в духе советских бодрых фильмов и песен:

23 июня. Война! Вот замечательно!.. Нам вчера это сказали, когда мы обедали. Врач бледный-бледный был, и девчонки многие заплакали, даже большие. Вот дуры! Подумаешь, война! (Минц 2017: 32).

Но постепенно – во время тяжелой работы в колхозе в Ярославской области – происходит осознание трагичности происходящего. Последняя запись сделана 14 августа 1941 года:

[...] немцы уже не так далеко. Но все всё равно своих детей назад берут: Ленинграду ведь не бывать у немцев, а помирать если, так уж лучше вместе (Минц 2017: 48).

Вторая часть дневника была начата в эвакуации в Челябинске после окончания школы и зачисления в университет. Перед нами семнадцатилетняя девушка, филологические интересы которой уже определены, дневник теперь нужен ей для упражнений в стиле, зарисовок характеров и сцен. Зара Минц пишет стихи, ей покровительствуют известная в Челябинске детская писательница Лидия Александровна Преображенская (1908–1990). Сохранилась тетрадка, названная первым томом собрания сочинений “великого гения Араза Цнима”, в котором каждое стихотворение сопровождается комментариями об обстоятельствах возникновения текста и оценкой его художественных достоинств. Отношение З.Г. к своим поэтическим опытам – ироническое, особенно к стихам “на заказ” – для школьной стенгазеты или для городского радио, где она даже получала гонорары. На последней странице тетрадки – отзыв, написанный неустановленным лицом с неразборчивой подписью:

Вообще, из тебя должен выйти хороший прозаик, мне кажется, что даже критик; журналист тоже получится при твоём

умении быстро схватывать и запоминать. Будешь упорно работать – станешь беллетристом типа Эренбурга, будешь очень много работать в области стиха – можешь пойти по дороге Маяковского. Но это все – при условии большой работы [...] (Минц 2017: 125).

Эта часть дневника также дает представление о круге чтения З.Г. Ее любимая книга – *Флаги на башнях* А.С. Макаренко, очень нравится Максим Горький: *На дне*, *Супруги Орловы*, *Мои университеты*. Она перечитывает *Жерминаль* Эмиля Золя и *Губернские очерки* М.Е. Салтыкова-Щедрина, произведения Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, Анатоля Франса, Вольтера, Данте, Гете. Мы узнаем также, что З.Г. переводит с немецкого языка *Санкюлоты из Гравилье* Вилли Бределя. Несомненно, дневник богат деталями советского быта. З.Г. живет у своей тети, но часто бывает в интернате для детей рабочих эвакуированного из Ленинграда Кировского тракторного завода, директором которого была ее двоюродная сестра Серафима Абрамовна

Переверзева (1912–1980). Подробно описывается интернатская жизнь: борьба с клопами, вечерние посиделки и танцы, снисходительное отношение педагогов к тому, что школьники курят и употребляют крепкие спиртные напитки. Главный мотив дневника – описание и размышление над первыми сердечными увлечениями. З.Г. – тонкий стилист: она детально описывает стиль общения, помещает в кавычки устойчивые выражения, диалектизмы и сленг (“деревенских парней заигрывать” (Минц 2017: 69), “рыпается” (Минц 2017: 74), “бессонничать” (Минц 2017: 86), “жисть” (Минц 2017: 67) и т.п.); фиксирует свое впечатление от услышанных фольклорных текстов:

Жека мелодекламировала нечто, заимствованное из репертуара хулиганов-туберкулезников. Это “нечто” страшно поразило меня глубоким отчаянием и – в то же время – ужасным цинизмом чахоточных больных. Жека чуть не разревелась, когда пела (Минц 2017: 85–86).

Кроме того, в записях 1944 года (в отличие от писем и

дневников Лотмана) поднимаются темы антисемитизма и советской идеологии. Так, например, в подробном и драматичном описании возвращения в Ленинград З.Г. считает важным зафиксировать следующую сцену:

... Я оглянулась. Кругом – кромешная тьма: маскировка. Куда идти – я не знаю. Место абсолютно незнакомое. Что делать?! ... Я почесала в затылке (в буквальном смысле, ибо с 2 недели уже не мылась) и подошла к какому-то типу на панели: – Скажите, как пройти на ул. Декабристов? Тип оказался мальчишкой самого ехидного возраста – лет 14–15. К моему великому изумлению, он не сказал мне, что я – жидовка, и не послал меня на ..., а сверхвежливо объяснил, как именно пройти и даже помог надеть рюкзак (Минц 2017: 11).

Первые впечатления от жизни в университете даны в контрастном сопоставлении научного и бытового:

[...] я старательно слушала лекции. До чего инте-

ресно! В 1000 раз интереснее, чем в школе! Но ... какие тут, к черту, систематические занятия, коли я не прописана?! Тут никакие премудрости в голову не полезут! ... Хорошо еще, что Ун-т помогает: раз в 3 дня нам выдают хлеб (приблизительно по 1800), а однажды даже выдали (о прогресс!) сухое питание. Дают дополнительную карточку, по коей можно получить в столовой, простояв в очереди часа 2, второе блюдо (Минц 2017: 113).

Записи Зары-первокурсницы постепенно становятся деловыми и отрывочными. Среди редких развернутых несомненный интерес представляет собой листок с размышлениями, демонстрирующими сомнения в безусловности философских основ советской идеологии:

Нет ничего абсолютного. Так сказал еще Энгельс. Но он сам превратил учение о диалектике в абсолютную истину, в догму. Нам вбивают эту догму в голову и говорят, что она – единственно-верная. А, может быть,

нет? Нам говорят, что в основе всего лежит вечное движение, вечный процесс рождения и умирания. На этом построена вся философия наша. Но, может, это не так? Ведь признают же другие учёные основу мира метафизической. Нам говорят, что первооснова всего – материя. Но ведь и Гегель не был дураком, и он признавал абсолютную истину, исходя из чего-то! “Вдруг” все, совершенно все, чему нас учат – неверно?! Говорят, что диалектический материализм базируется на новейших достижениях науки. Но ведь из этих же научных открытий ученые западной Евр. делают выводы, противоположные нашим! Кто же “прав”?! Выходит, что никто. Все взгляды ученых – это сплошная “точка зрения”. И со своей “точки зрения” каждый прав. Наша “точка зрения” – диамат, и мы говорим о неизбежности революции во всем мире. А у Ницше другая “точка зрения”, и он приходит к другим выводам. Но почему же мы считаем, что

наша точка зрения “лучше”? Только потому, что она выгоднее нам? [...]

Правды нет. Есть лишь великое множество точек зрения. Из нескольких теорий оказывается справедливой (в глазах большинства) не та, кот. основана на лучшей из этих точек (ибо все они в равной мере относительны), а та, кот. защищают с бóльшим умом и хитростью. В споре двух людей побеждает тоже лишь тот, кто умнее и ловче. Семиклассник легко докажет первокласснику, что $2 \times 2 = 5$. Победа материализма над эмпириокритицизмом объясняется лишь тем, что Ленин умнее Маха¹³.

С этим сознанием очень тяжело жить, но это так. Тот, кто докажет остальным абсурдность этой теории, докажет лишь, что он умнее меня (Минц 2017: 122–123).

¹³ Речь идет об известной статье Ленина *Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии*, в которой он, в частности, разоблачал “буржуазные теории” австрийского философа Эрнста Маха (нем. Ernst Mach, 1838–1916).

Это размышление юной З.Г. – яркий пример научного склада ее мышления, эскиз к будущей научной деятельности. Процесс публикации и изучения дневников З.Г. и Ю.М. делает очевидной необходимость комплексного рассмотрения всех текстов, созданных выдающимися учеными, даже самых маргинальных. Не случаен вывод Б.Ф. Егорова в краткой аннотации к сборнику автопортретов Ю.М. Лотмана: “Лишь после знакомства с рисунками мы находим подобные черты в исследовательском методе и стиле Лотмана” (см. Кузовкина, Даниэль 2014). Вклад Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц в культуру не сводится исключительно к их научным достижениям. Чем далее по времени, тем очевиднее становится, что не меньшую роль для коллег, учеников и всех, кому приходилось сталкиваться лично с ними или только с их текстами, играла способность Ю.М. и З.Г. гуманизировать окружающее пространство. Юношеские дневники свидетельствуют о том, что их авторы уже вполне обладали этим основополагающим умением интеллигенции. Откровенность и художественность дневниковых записей З.Г., отличающая их от

сдержанной манеры Ю.М., не заслоняет, однако, сходства характеров и жизненных установок. Им обоим присуще как ироничное отношение к собственным слабостям и умение “переключать регистры” дневникового повествования, так и стремление посвятить себя настоящему делу, реализовать свой интеллектуальный потенциал вопреки сложным обстоятельствам¹⁴.

¹⁴ Статья выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке (Eesti Teadusagentuur, проект PUT 1366).

Библиография

Александров 1941: *История философии, т. 1–2*, под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина и П.Ф. Юдина, Политиздат при ЦК ВКП(б), Москва, 1941, т. 1: Философия античного и феодального общества.

Веселовский 1946: С. Веселовский, *Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.*, «Вопросы истории», 1946, 1, с. 86–104.

Греков 1945: Б. Греков, *Хозяйственный кризис в Московском государстве в 70–80-х годах XVI века*, «Вопросы истории», 1945, 1, с. 6–21.

Грозный 1914: *Переписка князя А.М. Курбского с царем Иоанном Грозным, Извлечено из “Сочинений князя Курбского”*, Издание Императорской Археографической комиссии, Петроград, 1914.

Кузовкина, Даниэль 2014: *Juri Lotmani autoportreed = Автопортреты Ю.М. Лотмана = Juri Lotman's Self-portraits*, сост. Т.Д. Кузовкина и С.М. Даниэль, Издательство ТЛУ, Таллинн, 2017.

Кузовкина 2017: Т. Кузовкина, *З.Г. Минц в рисунках и стихотворных экспромтах Ю.М. Лотмана // Заре Григорьевне Минц посвящается... Публикации, воспоминания, статьи. К 90-летию со дня рождения*, ред.-сост. Т. Кузовкина, М. Лотман и М. Халтурина, Издательство ТЛУ, Таллинн, 2017, с. 186–206.

Кузовкина 2018: Т.Д. Кузовкина, *Архивы Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц: штрихи к семейному портрету // Архив ученого-филолога: Личность, биография, научный опыт*, ред. Е. Обатнина, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, 2018, с. 66–79.

Лотман 1995: Ю.М. Лотман, *Не-мемуары*, запись и публ. Е.А. Погосян // *Лотмановский сборник*, под ред. Е. Пермякова, ИЦ-Гарант, Москва, 1995, [т.] 1, с. 5–53.

Лотман 1996: Л.М. Лотман, *Пачка писем в обстановке “взрыва”*: Ю.М. Лотман в годы войны, «Нева», 1996, 10, с. 182–199.

Лотман 1997: Ю.М. Лотман, *Письма: 1940–1993*, сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Б.Ф. Егорова, Школа “Языки русской культуры”, Москва, 1997, с. 16–24.

Лотман 2007: Л. Лотман, *Воспоминания*, Нестор-История, Санкт-Петербург, 2007.

Лотман, Минц, Егоров 2018: Ю.М. Лотман, З.Г. Минц – Б.Ф. Егоров. *Переписка 1954–1993*, подгот. Б.Ф. Егорова и

А.П. Дмитриева при участии Т.Д. Кузовкиной, Д.Э. Кузовкина и Н.В. Поселягина, ООО “Полиграф”, Санкт-Петербург, 2018.

Лотман, Успенский 2016: Ю.М. Лотман – Б.А. Успенский. *Переписка 1964–1993*, сост., подгот. текста и коммент. О.Я. Кельберт и М.В. Трунина, под общ. ред. Б.А. Успенского, Издательство ТЛУ, Таллинн, 2016.

Мавродин 1946: В. Мавродин, *Несколько замечаний по поводу статьи П.П. Смирнова “Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.”*, «Вопросы истории», 1946, 4, с. 45–54.

Минц 2017: *Дневниковые записи З.Г. Минц*, подг. текста и комм. Т. Кузовкиной // *Заре Григорьевне Минц посвящается... Публикации, воспоминания, статьи. К 90-летию со дня рождения*, ред.-сост. Т. Кузовкина, М. Лотман и М. Халтурина, Издательство ТЛУ, Таллинн, 2017, с. 19–130.

Полосин 1946: И. Полосин, *Споры об “опричнине” на польских сеймах XVI века (1569–1582)*, «Вопросы истории», 1945, 5/6, с. 142–153.

Смирнов 1944: И.И. Смирнов, *Иван Грозный*, Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Госполитиздат, Ленинград, 1944.

Смирнов 1946: П. Смирнов, *Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.*, «Вопросы истории», 1946, 2–3, с. 55–90.

Смирнов 1946а: И. Смирнов, *О путях исследования русского централизованного государства: По поводу статьи проф. П.П. Смирнова*, «Вопросы истории», 1946, 4, с. 30–44.

Шпенглер 1923: О. Шпенглер, *Закат Европы*, пер. с немецкого Н.Ф. Гарелина, с предисл. проф. А. Деборина, Френкель, Москва; Петроград, 1923; т. 1: Образ и действительность.

Юшков 1946: С. Юшков, *К вопросу об образовании русского государства в XIV–XVI вв.: По поводу статьи проф. П.П. Смирнова*, «Вопросы истории», 1946, 4, с. 55–67.

Lotman 2014: Yuri Lotman, *Non-Memoirs*, translated and annotated by C.L. Brickman, afterword by C.L. Brickman and E. Bershtein, Dalkey Archive press, Champaign, 2014.

Tiks 1975: M. Tiks, *Sõduriks teeb sõda*, «Tartu Riiklik Ülikool», 1975, 26, lk. 1–2.

